

Эти слова были не лишены оснований. У Тан Сяоу было много одежды, не являвшейся даосскими одеяниями. В последние дни, выходя купить еды, он надевал парчовый халат с нефритовым поясом, выглядел как изящный молодой господин, совсем не похожий на даоса.

Бай Иньфэн снова предложил:

— Скоро Цинмин. Не вернуться ли нам в Долину Вечной Жизни, чтобы подмести могилу приёмной мамы?

Тан Сяоу покачал головой:

— Сейчас уже начало третьего месяца. Долина Вечной Жизни далеко от Столицы, к тому же тебе неудобно передвигаться — ни верхом, ни с помощью лёгкой техники не получится. Если поедем на повозке, точно опоздаем к Цинмину!

— Но так без конца болтаться без дела — тоже не выход. Я уже давно не тренировался в боевых искусствах, — Бай Иньфэн стиснул зубы и наконец решил раскрыть карты.

— Тренируйся, я же не мешаю.

— Хоть этим делом и приятно заниматься, но тело после не в порядке, многие движения не получается выполнить как следует. Не могли бы мы сбавить темп? Не делать это каждый день, а раз в три-пять дней.

— А Фэн! — Тан Сяоу посмотрел на него с укором.

Один взгляд — и Бай Иньфэн понял, что дело плохо.

Тан Сяоу печально произнёс:

— А Фэн, ты что, больше не хочешь меня? Я не знаю, что со мной происходит. Мысли только об этом, думаю и днём, и ночью, и когда на улице что-то покупаю, и когда дрова подбрасываю, еду готовлю. У тех, у кого есть жёны, можно домой прийти и заняться, а у меня нет! Если и ты, А Фэн, откажешь мне, тогда я... останется только первого встречного на улице затащить. Тогда уж тебе придётся поступить со мной, как с тем развратным негодяем — зарубить одним ударом меча. Чем так, лучше убей меня сейчас!

— Как я могу тебя убить? — Бай Иньфэн взглянул на него, и в сердце невольно поднялось чувство жалости. Если бы Тан Сяоу захотел жениться на женщине, это было бы проще простого, но он желает именно мужчину, да ещё с такими условиями, как у господина Юня, — это труднее, чем достать с неба звёзды.

Кроме него самого, вряд ли кто ещё сможет ему помочь. Хотя он и сам получал от этого удовольствие, но из-за пустяковой неловкости отказал Тан Сяоу — действительно нехорошо.

Он понимал, что Тан намеренно его соблазняет, но в глубине души, чего он и сам не хотел признавать, ему всё это было весьма любопытно, попытки Тан Сяоу на нём казались возбуждающими.

Если бы объектом любви с первого взгляда для Тан Сяоу стал он сам, многих проблем удалось бы избежать. Но они слишком хорошо знали друг друга, любовь с первого взгляда тут невозможна, в итоге всё свелось к их нынешнему состоянию — ежедневным безобразиям.

До Цинмина оставалось меньше двух дней. Накануне Цинмина ещё был Праздник Холодной Пищи, когда запрещалось разводить огонь и можно было есть только холодную еду. Если не запастись заранее холодными продуктами, тогда придётся жечь дрова, а если у кого из труб пойдёт дым на виду у всех, этой семье не избежать пересудов.

Поэтому Бай Иньфэн сказал Тан Сяоу:

— А У, сегодня я собираюсь за город нарвать полыни для цинтуаней.

— Цинтуани? Можно же купить, зачем самому делать? — Тан Сяоу лениво разлёгся в кресле-качалке, казалось, ничто, кроме постельных дел, не могло пробудить в нём интерес.

— Раз мы не можем вернуться домой, чтобы почтить память приёмной мамы, давай хотя бы в Столице помолимся за неё, возжжём благовония. Если подношения в виде цинтуаней будут сделаны своими руками, это будет значительнее.

— Не вижу в этом ничего особенного, А Фэн, не стоит так заморачиваться. У тебя столько энергии, может, тебе мало того, как я ночью тебя мучаю? — Тан Сяоу с улыбкой поманил его к себе. — Иди сюда, дай потрогать!

Уголок рта Бай Иньфэна дёрнулся:

— Что за ерунду говоришь? Скажи честно, неужели все эти годы в Цинмин ты ограничивался лишь воскурением благовоний для приёмной мамы?

— Как так? Я иногда ещё и чашечку вина ей выливаю.

Бай Иньфэн рассердился:

— Чашечку вина! Приёмная мама с таким трудом нас вырастила, а ты лишь чашечку вина ей выливаешь?

— Раз уж ты в Цзяннани совершаешь подношения, разве не то же самое? Держу пари, ты каждый год готовишь для неё свежие цветы, вегетарианские фрукты, бумажные деньги, верно?

— Скажи, чем ты все эти годы занимался? Не тренировал боевые искусства — ладно, могу считать, что у тебя нет таланта. Но такое важное дело тоже не принимаешь близко к сердцу! Ты вообще хочешь чего-то добиться?

Тан Сяоу сделал невинное лицо:

— Я даос, могу проводить обряды в любое время, не обязательно в определённый день!

— Это выражение того, что мы её помним, при чём тут обряды? Кроме обрядов, ты обычно о ней вообще не вспоминаешь? Такой безынициативный мужчина, как ты, интересно, кто на тебя ещё посмотрит!

Да, Бай Иньфэн имел в виду того самого господина Юня. Другие, с худшими условиями, возможно, ещё могли бы положить глаз на лицо Тан Сяоу. Но Тан Сяоу, скорее всего, волнует лишь тот единственный.

Бай Иньфэн ругал его, сердясь, что тот не оправдывает надежд, и при этом осторожно наблюдал за его выражением лица. В итоге Тан Сяоу лишь меланхолично вздохнул:

— Ты прав, я именно такой мужчина.

Затем закрыл глаза, притворяясь спящим, и вовсе перестал обращать на него внимание.

Бай Иньфэн чуть не задохнулся от злости, но ничего не мог поделать. В ближайшие дни ему предстояло приготовить еду на три дня Цинмина, будет очень занят, пришлось пока от него отстать.

Тан Сяоу смотрел, как Бай Иньфэн с бамбуковой корзиной выходит из дома — и вправду пошёл за город за дикими травами, — и невольно замер.

Много лет назад Чжун Сюй заставляла его учить тексты наизусть и практиковать каллиграфию в комнате, а сама вела приёмного сына готовить еду. Голос Бай Иньфэна, звавшего приёмную маму, был очень приятным, слова — сладкими, каждый день: «Приёмная мама, я помогу вам с этим», «Приёмная мама, я помогу вам с тем», радуя его родную мать до глубины души.

Тан Сяоу часто ссорился с родной матерью, считал Бай Иньфэна подхалимом и противным, перестал звать его маленький дурачок, а стал звать щенок. Бай Иньфэн не злился:

— Я старший брат, не буду соревноваться с младшим.

Тан Сяоу тогда действительно взбесился — недоношенный ребёнок, и ещё позволяет себе такое!

В то время он и представить не мог, что они станут хорошими братьями.

Он знал, что Бай Иньфэн хочет, чтобы он взялся за ум, ругает не со зла, просто он сам всегда шёл по жизни легко, не ожидая, что в первой же любви потерпит неудачу.

В последнее время он прожигал жизнь, погряз в плотских утехах, не в силах вырваться, а в редкие моменты трезвости был вялым, не зная, куда идти.

Что-то понимать — одно дело, но когда Бай Иньфэн так отчитывает, на душе становится неприятно, и он вышел прогуляться, развеяться.

Весеннее равноденствие прошло, но в Столице всё ещё чувствовалась лёгкая прохлада. Неизвестно, сможет ли Бай Иньфэн найти полынь за городом. В Столице так много людей, наверняка немало тех, кто выходит собирать травы, возможно, людей даже больше, чем растений.

Подумав, что Бай Иньфэну, возможно, придётся с кем-то драться за зелень, Тан Сяоу невольно усмехнулся.

Правильно, сам напросился на страдания, даже верёвка на том месте не мешает ему бегать наружу, видимо, ему действительно слишком легко.

Но если хочется зайти ещё дальше, пока не находится подходящего повода. Да и Бай Иньфэн редко злится, сегодня так вспыхнул — неизвестно, разрешит ли ещё сегодня поиграть.

У Тан Сяоу были свои мысли, он шёл по привычным тропам и незаметно дошёл до маленького домика, который они раньше снимали. Не мог не усмехнуться про себя, вспомнив, что неподалёку есть лавка жареных лепёшек, которые он любит, можно купить немного назад. И он неспешно пошёл дальше по дороге.

— Даосский наставник Линъюнь, наставник! — тонкий юношеский голос окликнул его сзади.

Тан Сяоу на мгновение опешил, потом сообразил, что зовут его, остановился. Юноша уже подбежал к нему и поклонился:

— Наставник, где вы пропадали все эти дни? Я вас искал, как же мне было тяжело!

Этот юноша был телохранителем, часто сопровождавшим Юнь Тао, обычно казался даже более надменным, чем сам Юнь Тао, никогда ни на кого прямо не смотрел.

Тан Сяоу снова нахлынула тоска от того утра, когда его бросили, но на лице он не выдал ничего, лишь искоса взглянул на него:

— Не знаю, как к вам обращаться? Бедный даос, кажется, вас не видел?

Юноша неловко улыбнулся:

— Наставник шутите. Моя фамилия Лу, Лу Цинфэн, мы с наставником несколько раз встречались, как же вы можете сказать, что не знакомы?

Тан Сяоу равнодушно ответил:

— Так это ты.

В это время его жареные лепёшки были готовы, он заплатил деньги, сунул бумажный свёрток за пазуху и пошёл. Вдруг вспомнил, что жареные лепёшки вкуснее горячими, снова остановился, достал одну из свёртка и, идя, с аппетитом принялся есть, даже не спросив у юноши рядом, не хочет ли он одну.

Лу Цинфэн, казалось, совершенно спокойно отнёсся к его бесцеремонному поведению и сказал:

— Скоро Цинмин, мой господин хотел бы послезавтра отправиться за город на прогулку по весенней зелени, тогда на несколько дней остановится в усадьбе, обычно выходит на охоту, стрельбу из лука. Не знаю, найдётся ли у наставника свободное время, чтобы присоединиться?

Юнь Тао снова ищет его? За кого он его принимает? Неужели он тот, кого можно позвать — и он придёт, махнуть — и он уйдёт?

<http://bllate.org/book/15610/1393612>